

Психологические операции США в Ираке

Андрей Манойло

Современные модели, способы, методы и технологии психологического воздействия на конфликты имеют достаточно четко выраженные культурно-цивилизационные и национально-государственные особенности. В целом, все их многообразие можно свести к четырем культурно-цивилизационным моделям (или направлениям) — англосаксонской (США, Великобритания и страны Британского содружества), восточноазиатской (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Япония), романо-германской (Германия, Франция, Италия, скандинавские страны) и ближневосточной (исламский мир — арабские страны, Иран, Пакистан, Турция, Индонезия). Рассмотрим подробнее англосаксонскую модель.

Представители англосаксонского направления подходят к проблеме урегулирования конфликтов с протестантской точки зрения — как к возможности перестроить политические системы конфликтующих сторон в соответствии с собственными нормами и стандартами (по так называемому демократическому шаблону). Именно эту цель преследует большинство разрабатываемых в США технологий информационно-психологического урегулирования конфликтов.

При этом используются как методы прямого силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», борьба с «международным терроризмом», концепция «жесткой силы»), так и непрямые действия (концепция «мягкой силы», «бархатные революции», психологическая война). Когда президент США заявляет, что для Америки война с террором — не просто политика, но обет, проблема борьбы с международным терроризмом превращается из политической чуть ли не в религиозную. Кстати, идеологема неизбежного и абсолютно безвозмездного экспорта демократии из США во все страны, не обладающие истинными демократическими ценностями, тоже построена на протестантских традициях и имеет четкий религиозный подтекст.

Англосаксонский подход к использованию технологий информационно-психологического воздействия на политические конфликты хорошо иллюстрирует война США против Ирака, которая, с некоторыми изменениями в политической и военной обстановке, фактически продолжается до сих пор. Сейчас уже очевидно, что Ирак рассматривается американским командованием как идеальный полигон для испы-

тания новых средств и способов ведения войны и, в первую очередь, для отработки в режиме реальных боевых действий новых тактических концепций и технологий информационно-психологического воздействия. В политическом плане важность того, что происходит в Ираке, трудно переоценить: именно благодаря успешности выбранной тактики ведения боевых действий не только удалось полностью взять страну под контроль, но и появилась возможность строить планы принудительного возвращения в русло американской политики таких давних оппонентов США, как Иран и КНДР.

Многие исследователи отмечают, что в военном аспекте американо-иракский вооруженный конфликт развивается иначе, чем его предшественники: действия американского командования представляются нелогичными, примитивными, не учитывающими местной специфики. Внешним наблюдателям, следившим за конфликтом по материалам СМИ, медлительность коалиционных сил вблизи Басры давала повод говорить, что США и их союзники либо ввязались в конфликт, не имея четких планов подавления иракской обороны, либо столкнулись с неожиданно сильным сопротивлением, к которому не были готовы. При этом сообщения о боевых потерях армии США собирали у экранов телевизоров огромную аудиторию американских граждан, внимание которых затем четко фокусировалось на материалах, подававшихся сразу после сводок с фронтов.

Разумеется, версия об относительно слабой готовности армии США к боевым действиям в Ираке не выдерживает критики: если бы американские войска приступили к операции без продуманного плана, вряд ли бы им удалось добиться успеха с такими минимальными потерями и в столь короткие сроки. С точки зрения бизнеса

иракская операция была исключительно успешным коммерческим проектом: за короткий срок административный контроль над обширной территорией перешел в руки союзного командования, которое теперь свободно распоряжается уцелевшей экономикой и богатейшими нефтяными месторождениями покоренной страны. Это позволяет утверждать, что ни одно из действий американского командования не было случайным: в течение всей кампании мировому сообществу показывали хорошо срежиссированный спектакль, рассчитанный на то, чтобы держать зрительскую аудиторию в постоянном напряжении, управляя ее эмоциями в интересах осуществления американской государственной политики. На протяжении нескольких месяцев миллионы зрителей по всему миру заворожено следили за многосерийными сводками новостей с иракского фронта, затмившими по популярности даже знаменитые «мыльные оперы». Многие военные и гражданские эксперты отмечали, что ударные группировки союзников как будто позировали перед телекамерами и вступали в сражения только тогда, когда их пиар-эффект был заранее известен. Не попадавшие в формат телевещания события не привлекали внимания союзного командования, и вооруженные силы там не задействовались.

Война в Ираке послужила стартовой точкой для войн нового поколения — информационно-психологических, в которых боевые действия играют вспомогательную роль, а план кампании строится по правилам и в соответствии со сценарием пиар-воздействия как на собственных граждан, граждан стран-союзников и оппонентов, так и на международную общественность с целью их добровольного подчинения. Современный вооруженный конфликт развивается в формате политического репортажа и по за-

конам этого жанра: генерируемые им новости должны максимально соответствовать формату телевидения и пиар-материала, необходимого для реализации технологий информационно-психологического воздействия. В результате запускается конвейер по производству инструментов формирования и обработки общественного мнения, обеспечения добровольного подчинения граждан, политического целеуказания и управления вектором политической активности правящих элит. Таким образом, продуктом операции информационно-психологической войны можно считать сводку новостей СМИ в формате журналистского репортажа. Соответственно, продуктом информационно-психологической контроперации может стать сводка новостей, которая делает построение такого репортажа неудачным.

Информационно-психологические войны нового поколения служат эффективным инструментом внешней политики государства. Пиар-кампания, сопровождавшая войну в Ираке, — яркое тому подтверждение: формат и характер вещания рассчитывались в основном на граждан тех стран, которые негативно относятся к политическому курсу администрации США. В материалах этой кампании несложно выявить манипулятивные приемы, которые нацеливались не только на граждан этих стран, но и на мировую общественность в целом.

Термин «информационно-психологическая война» (ИПВ) был перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США [Harley 1996; Information Warfare 1997: 24–57; Information Warfare 1998: 41–43]. Дословный перевод этого термина («information and psychological warfare») может означать в зависимости от контекста «информационное противоборство» или «информационную и психологическую войну». Многозначность трактовки разделила российских исследователей на два конкурирующих лагеря:

одни предпочитают употреблять термин «информационное противоборство», другие — «информационная война» (хотя на языке оригинала это, по существу, одно и то же). Американские эксперты в области психологических операций используют выражение «информационная война» не столько для обозначения современной фазы развития конфликтных социально-политических отношений, сколько в качестве ориентира формирования внешней политики, программы выбора политического курса и конечной цели эволюции инструментов политического управления. Поэтому непрекращающиеся споры о том, правомерно ли называть информационно-политические конфликты информационными войнами или все-таки лучше употреблять термин «информационное противоборство», вряд ли приведут к существенным результатам.

Американская концепция информационно-психологических войн основана на трудах и практическом опыте стратегической политики китайских военных и политических деятелей, таких, скажем, как Сунь-цзы, живший в IV в. до н.э. [Конрад 1959: 17–34]. Если бы концепция информационных войн пришла в российскую науку и политику непосредственно из Китая, возможно, сейчас споры велись бы о том, не является ли идея информационно-психологической войны всего лишь очередной фазой эволюции азиатской политической мысли. Современная агрессивная информационно-психологическая война сама порождает локальные войны и вооруженные конфликты, которые становятся ее индикатором, «витриной» и ключевой формой политического проявления скрытых процессов, лежащих в ее основе.

Чтобы запустить или инициализировать тот или иной боевой механизм информа-

ционно-психологического воздействия, нужен мощный толчок, стресс, способный вывести от природы устойчивую систему психики человека из состояния равновесия и активизировать в ней поиск новых защитных механизмов, адекватных стрессовой ситуации. В качестве такой защиты американские политтехнологи предлагают свою идеологию, мировоззрение, систему ценностей, замещающие прежние механизмы психологической защиты. В конечном итоге, это ведет к достижению главной цели любой психологической операции — подчинению личности.

Такой эффект на психику способна произвести только внезапно возникшая угроза жизни, например, эпидемия неизвестной болезни, стихийное бедствие или война. При этом если наступление первых двух событий предсказать достаточно сложно, то войну или локальный вооруженный конфликт можно вызвать практически в любой точке земного шара и в тот самый момент, который предусмотрен сценарием психологической операции. Кроме того, угроза войны — идеальный инициирующий повод для психологического стресса: она одновременно направлена и на крупные сообщества (государства, нации, народности), и на каждую личность в отдельности.

Итак, информационно-психологическая война — это боевые действия, спланированные в соответствии с пиар-сценарием, цель которых не уничтожить живую силу и технику противника, а достичь определенного пиар-эффекта. Она не всегда начинается с собственно военных действий, но сами военные действия становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции, выступая в качестве средства инициирования предусмотренных сценарием цепных психологических реакций. Война психологическая порождает войну

локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим инициирующий повод, а, следовательно, — локальный вооруженный конфликт. То, что в планах информационно-психологической войны традиционные военные действия не выходят за рамки отведенной им вспомогательной роли, не делает такую войну менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет ее из сферы политических отношений. Если глобальные военные конфликты постепенно исчезают из политической жизни (в условиях ИПВ в них больше нет необходимости), то частота и количество локальных вооруженных столкновений, играющих роль так называемого спускового крючка, увеличиваются. В конечном итоге, это ведет к распространению практики применения собственно вооруженного насилия: там, где начинается психологическая война, обязательно возникнет локальный вооруженный конфликт.

Собственно английский подход к использованию технологий психологического управления конфликтами несколько отличается от американского, прежде всего, более гибкими методами. В период своего расцвета Британская империя создала эффективную модель управления колониями и административный аппарат, деятельность которого, в сочетании с колониальной политикой, позволила накопить уникальный опыт гибкого «управления активами», разнородными по своему составу, качеству и лояльности к центральной власти. Данная управленческая схема находит применение в коммерции в виде разнообразных холдинговых схем, гибко реагирующих на любые изменения рыночной ситуации. Эту же схему Соединенные Штаты позаимствовали при разработке психологических технологий управления конфликтами и кризисами,

рассматривающих конфликтные области в качестве активов, готовых для внешнего управления.

В заключение отметим, что по мере осуществления политики, основанной на англосаксонской модели, США встречают все большее противодействие. Как отмечает специалист по американо-китайским отношениям Е. Бажанов, «Соединенные Штаты уже сейчас сталкиваются с нега-

тивными последствиями силового метода насаждения “передового образа жизни”» [Бажанов 2003: 16]. Прежде всего, это касается Афганистана, Ирака, где силовые акции Вашингтона терпят поражение, вынуждая американцев искать иные подходы к анализу и реализации стратегических доктрин. При этом рождаются новые течения, школы, новые технологии психологического воздействия на конфликты.

примечания

<p>Бажанов Е.П. 2003. Неизбежность многополярного мира // Эволюция мирового порядка и внешнеполитическая стратегия России. М.</p> <p>Конрад Н.И. 1959. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.</p>	<p>Harley I.A. 1996. Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA.</p> <p>Information Warfare, Complex Organisations</p>	<p>and the Power of Disruption. 1997. University of Arisona.</p> <p>Information Warfare: Implications for Arms Control. 1998. Kings College London, ICSA. UK.</p>
--	--	---